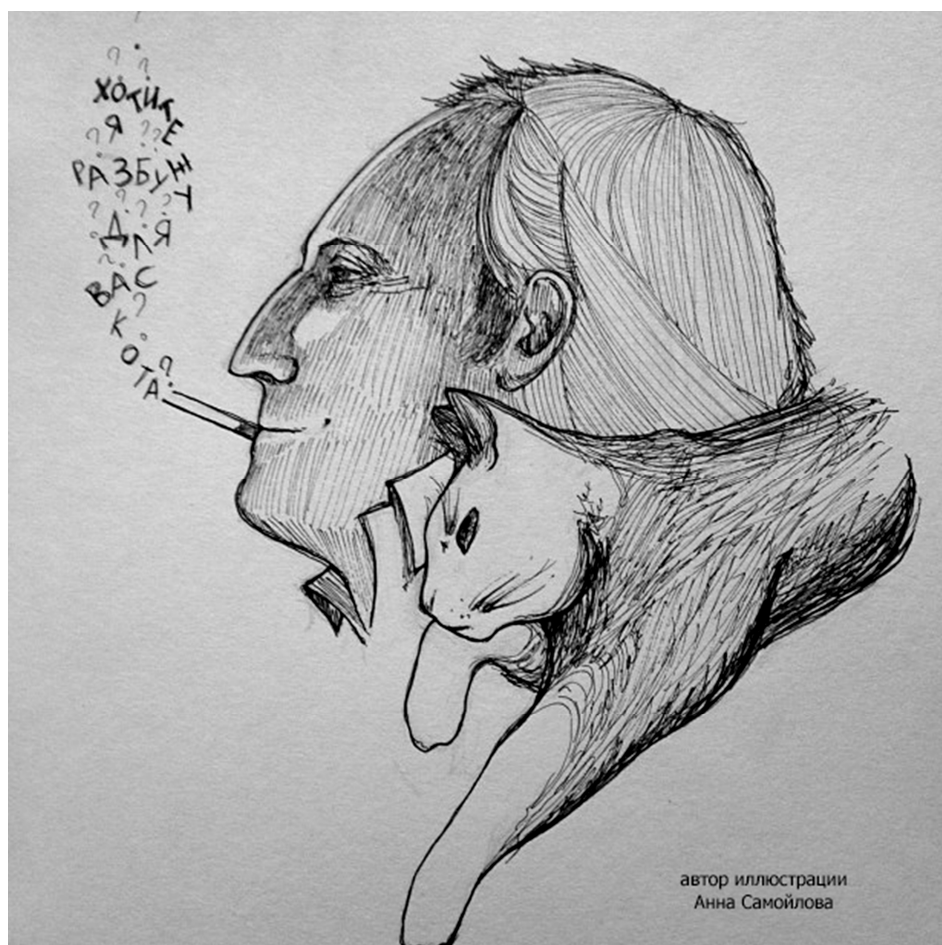

© Роман Госин, Книга о Бродском

© Константин Кедров-Челищев, Предисловие, Создатель виртуальной поэзии.

© Михаил Гельман, Бродский, рисунок на передней крышке обложки

© Екатерина Хозацкая, Бродский со своим котом Миссисипи, рисунок на задней крышке обложки

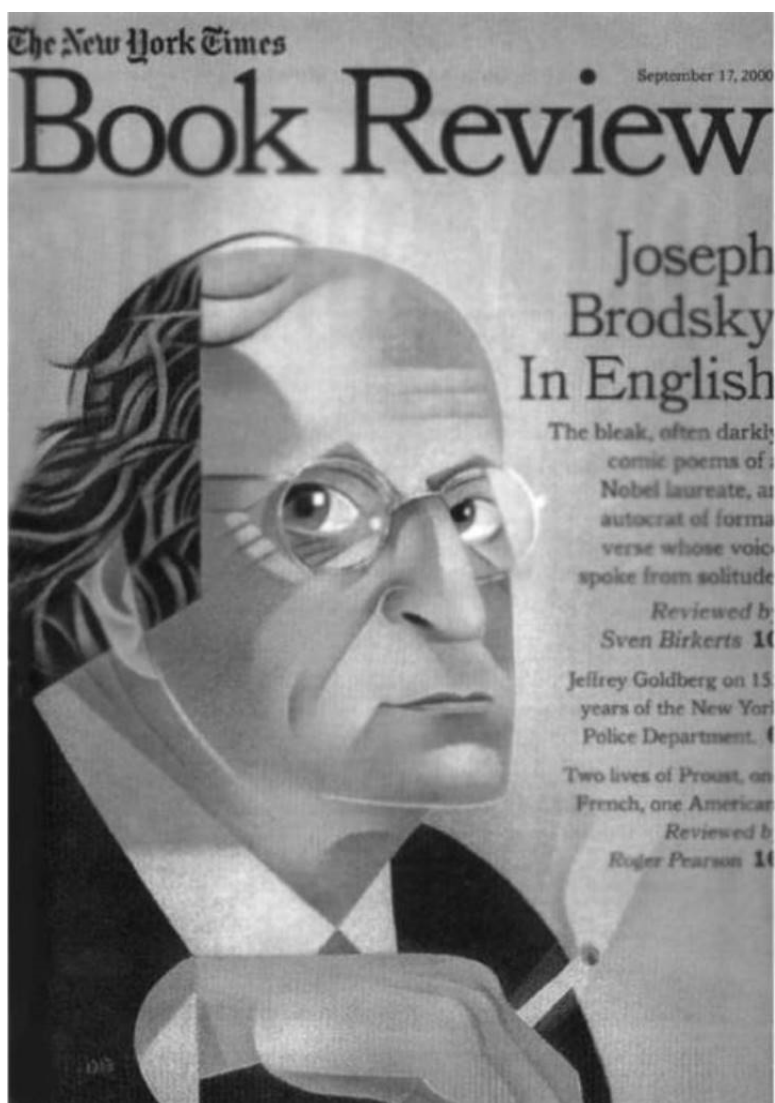
Литературный редактор Анна Столярова, Санкт-Петербург

Print-on-Demand

www.LULU.com

ISBN: 978-1-387-77133-2

Книга Романа Госина об Иосифе Бродском с предисловием Константина Кедрова-Челищева состоит из пяти частей. Каждая из них открывает перед читателями малоизвестные произведения и факты жизни Нобелевского лауреата. Книга о Бродском создана для популяризации его творчества.

Обложка журнала «Книжное обозрение» («New York Times»),
посвящённая Иосифу Бродскому
Художник Давид Левин

Роман Госин

КНИГА О БРОДСКОМ

ГОСИЗДАТ

Эта книга о гениальном поэте, писателе, драматурге, сценаристе, философе, университетском профессоре и преподавателе, общественном деятеле и лауреате Нобелевской премии Иосифе Александровиче Бродском — 1940-1996 год. Чёрточка между этими двумя датами включает сравнительно небольшой исторический срок. Его короткая жизнь оставила глубокий след в русской поэзии и литературе, точно так же, как во всемирной истории культуры XX века. В книгу включены тексты из обширного наследия Бродского. Она открывает программу популяризации творчества Бродского среди русскоязычного населения полуострова Сан-Франциско.

Я благодарен русскому поэту, профессору, философу и литературному критику Константину Кедрову-Челищеву за предисловие, написанное им к моей книге о Бродском. Оно звучит, как камертон к ней.

Роман Госин, май, 2018

СОЗДАТЕЛЬ ВИРТУАЛЬНОЙ ПОЭЗИИ

Судьба Иосифа Бродского настолько типична для русского поэта, что иногда кажется книжно-хрестоматийной. Он принадлежит к моему поколению 40-х годов, когда сначала Гитлер, а затем и Сталин объявили всех людей с еврейскими генами главными врагами своих концлагерных империй. Бродскому было 8 лет, когда Сталин начал кампанию по борьбе с космополитами безродными. Государственный антисемитизм стал политикой, и нигде не был он так силён, как в Ленинграде, где родился и жил поэт. Если бы даже он писал абсолютно правильные советские стихи, то и тогда судьба его была бы трагичной. Его поэзия — прямой ответ на слова Адорно, что после Освенцима поэзия невозможна, и на слова Шмемана, что любое богословие без Освенцима безнравственно.

«Только с горем чувствую солидарность», — вот ответ нашего поколения на ужас XX века. Бродский доказал невозможное. Его поэзия состоит из экзистенциальных канонов, которые стали бы новым священным писанием, будь они произнесены тысячу лет тому назад. Но они произнесены во второй половине самого трагичного века во всей мировой истории. То, что слово «солидарность» рифмуется у Бродского со словом «благодарность», — это тоже было возможно только в уходящем XX веке.

«Не выходи из комнаты, не совершай ошибку. / Зачем тебе Солнце, если ты куришь Шипку?». Сравните это со словами

Пушкина: «Да здравствует солнце! Да скроется тьма!», — и всё станет ясно. И ещё яснее, если вспомнить Маяковского: «....Вот лозунг мой и солнца». Произошла мировая трагедия, и поэтическое солнце померкло. Поэзия ушла в сумерки, вернее, только в сумерках она и стала возможной. «Лучше жить в провинции у моря». И провинция, и море — это душа поэта, которая, несмотря на все брежневско-андроповские психушки, остаётся недоступна и неприкосновенна. Язык — вот единственное поэтическое и политическое убежище поэта. Верность речи — верность поэзии.

Поэтому не речь, а лишь части речи. Ничего всеобъемлющего, тотального не осталось в экзистенциальном мире, но его части живы.

«Что сказать мне о жизни? Что оказалась длинной». Это говорит поэт, не доживший до пенсионного возраста. Но ведь сравнивает он себя не с Гёте, а с Пушкиным, Лермонтовым, Есениным, Гумилёвым. А на этом фоне Бродский и впрямь чувствует себя Мафусаилом.

«Я — еврей, русский поэт и американский гражданин», — такими координатами очертил Бродский своё местопребывание на земле. Но, с другой стороны: «Ни страны, ни погоста / не хочу выбирать. / На Васильевский остров / я приду умирать». Васильевский остров — это не родина, это — чувство родины. Родина — это родители, с которыми разлучила его бесчеловечная власть. Это друзья, с которыми не пил только сухую воду. Это Ахматова,

воскликнувшая: «Какую биографию делают нашему рыжему!». Родина эта непригодна для жизни. В ней можно только умирать. Потому и не приехал, чтобы не ускорять смерть.

Бродскому нельзя подражать, как нельзя подражать агонии. Но замечу, что солидарность с горем есть последний вопль умирающей христианской цивилизации. Призрачная поэтическая грамматика поэта даже не водяная и не воздушная — почти бесплотная, заставляет меня говорить о своём современнике как о создателе виртуальной поэзии, которой не было до него и не будет после него. Неоклассицизм Бродского уже по сути своей является постмодерном конца XX века. Постмодерн, как единственный способ выживания поэзии, а с ними и поэта в условиях абсолютно не выживаемых.

Дело в том, что мне немножко сложно говорить про Бродского, потому что мы противоположные полюса поэзии. Бродский представляет собой, конечно, прежде всего петербургскую школу, петербургское направление, а Петербург — это город дисциплинированный. Там всё идеально — каналы и стихи, соответственно, тоже. Они у Бродского организованные. И, как ни странно, но Бродский для меня, прежде всего, поэт XIX века в XX-ом. И тут нет ничего удивительного.

Вообще поэзия не подчиняется обычным законам исторического времени. Каждый поэт живёт в той эпохе, в которой он хочет. И Блок жил вовсе не в XX веке, а в XIX, и